

УДК 141.132

к.филос.н. Сандыга О.И.
(ДонГТУ, г. Алчевск, ЛНР)

НИЦШЕ О КРИЗИСЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМА

Проанализированы идеи Ф. Ницше, раскрывающие кризис интеллектуализма, его понимание значения кризиса современной культуры для развития человечества. Осмыслено им отчуждение личности от общества и трагизм человеческого бытия.

Ключевые слова: интеллектуализм, антиинтеллектуализм, культура, кризис интеллектуализма, рациональность, современность.

Проблема и ее связь с научными и практическими задачами. Новый век, в который вступило человечество, представляет собой информационную эпоху, характеризующуюся динамическими изменениями во всех сферах социального бытия, когда теряется причастность человека к общему целому, разрушается обычная структура жизни с ее обязанностями, определенным распорядком, направляющими принципами, а это может привести к потере смысла человеческого существования, к потере ценностей. Поэтому в исследованиях явлений радикальных изменений все более актуальным становится понятие «кризиса интеллектуализма», что подчеркивает угрожающую ситуацию, очерчивает круг тех проблем, которые требуют неотложного решения. В данном контексте особую актуальность осмысления феномена кризиса интеллектуализма осуществили в свое время А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и другие. Как отмечают многие мыслители, классические произведения исследователей кризиса «человеческого духа», «европейской человечности» приобретают сегодня «второе дыхание».

Выдающийся немецкий «биограф» кризиса Ф. Ницше создал впечатляющую картину кризиса человеческого духа, искусно показал процесс отчуждения личности от общества, от собственных сущностных сил, трагичность его бытия. Именно критический потенциал его концепции, в которой заложена идея «отрицание традиций» и делает её такой привлекательной в глазах многих мыслителей. Ницше уда-

лось в самом зародыше угадать и выделить те главные проблемы, которые впоследствии составят особенности развития философии нашего времени. Неудивительно, что его философия переживает сегодня своеобразный ренессанс. Можно сказать, что проблемы, поднятые философией Ницше, и решения, им предложенные, актуальны до сих пор и требуют разностороннего переосмысления.

Постановка задачи. Задачей данного исследования является осуществление специального анализа ницшеанской критики интеллектуализма, понимание им недостатков, недугов западноевропейской культуры, вызвавших кризис последней, тем более, что общеизвестно, насколько существенно современный постмодернизм обязан именно Ницше ключевыми положениями собственного видения судьбы современной культуры. Целью исследования является выявление степени последовательности ницшеанского антиинтеллектуализма и присущих ему черт.

Изложение материала и его результаты. Начало XXI века обнажило звериное лицо техногенной цивилизации, и многие современные мыслители в полный голос заговорили о том, что следствием экспансии технической рациональности является «колонизация жизненного мира», а человеческое существование приобретает такие определения, как «потеря смысла», «потеря ориентации» [1, с. 21].

Как бы предвидя современную ситуацию, Ф. Ницше видел главные мотивы «декаданса» западной культуры в её рационализации.

Существует немало оснований полагать, что исходя из откровенно иррационалистической и релятивистской трактовки «воли к власти» как основы онтологического принципа, он диагностирует катастрофичность современного ему общества, прежде всего как следствие противостояния двух начал бытия — «дионисийского» (жизненно-ориентированного) и «аполлоновского» (созерцательно-упорядоченного). Типу человека современной ему культуры он противопоставляет образ «сверхчеловека» с его «волей к власти», которому «присущи такие важные качества: антиморализм; антисоциализм; антидемократизм; антиинтеллектуализм; антифеминизм; антисемитизм; антихристианство». Нельзя не согласиться с Ю. Хабермасом в том, что все ложные стороны культуры обусловлены, прежде всего, недугом, болезнью её основы — аполлоновского рационального начала, поэтому и выздоровление культуры связаны с восстановлением её дионисийского начала [2, с. 96 - 97].

Эти предварительные замечания наводят на мысль о полном антиинтеллектуализме Ницше, поскольку именно интеллект предстает в роли виновника кризиса современной ему культуры и именно с ним нужно «расправиться» для ее выздоровления. Развитие культуры Ф. Ницше понимал как результат адаптации человеческого существа к условиям своего существования. Человек, будучи изначально «слабым животным», вынужден использовать в этом процессе не волю, а интеллект. Философ неоднократно обвиняет интеллект в неадекватности жизни. Рациональность, если она заложена в основе культуры, по мнению Ф. Ницше, несет ей гибель, поскольку средства языка являются оторванными от реальности, которая характеризуется изменчивостью и вечным становлением. В своей работе «Так говорил Заратустра» мыслитель пишет, что всё идет, всё возвращается; вечно вращается колесо бытия [3, с. 158]. Деятельность интеллекта приводит к созданию сферы повторяющихся значений, которые, в свою очередь,

формируют поведенческие стереотипы, пригодные только для толпы. Интеллект подавляет инстинктивную волю к жизни, вызывая деградацию личности. Динамика жизни является неуловимой для разума, истинное улавливание сущностей происходит благодаря рефлексии, реальность целостно схватывается в искусстве через чувственно-образное восприятие, фантазию, интуицию.

Ф. Ницше объясняет культуру как антиномическую по сути, вызываемую противоречием между рефлексией и интуицией, между умственно расчленённым и интуитивно-целостным постижением мира. В зависимости от доминирования одной из двух основ начала культуры наблюдается существование двух её типов. Первый тип — «Аполлоновская культура» — связана с рационализмом, сознательным противопоставлением личности к миру, осуществляет оформленность с помощью слова, дискурсивность, с попыткой упорядочить мир одной его упрощения, схематизации; парадигма заключается в тяготении субъекта, отчужденного от объекта, к рациональности, осознанности, осмысленности [4, с. 105]. Предельное развитие аполлоновского начала ведет к стереотипизации культуры, к культу посредственности, что, по мнению Ф. Ницше, как раз характеризует западноевропейскую культуру, которая приобретает формы «массовой культуры». В массовой культуре царит «коллективная воля массы слабых», в ней все узнаваемо и привычно, она радуется неприхотливостью ограниченных людей, редуцируя личность в серую посредственность, которая, чтобы сохранить себя, стремится к утверждению равенства с помощью «морали рабов» с ее нормами милосердия и сострадания. Тем самым человек, превращаясь в «лабиринтного человека», не способен на творчество, а только репродуцирует существующие ценности, отрицая свою индивидуальность.

Переживая за судьбу европейского человека, Ф. Ницше выступает против культивирования нигилистического инстинкта,

против эгалитарности, против тех духовных форм, их обеспечивающих, и, прежде всего, против христианства и религии вообще. Мыслитель презирает христианство как нигилистическую, пессимистическую религию за её ориентацию на толпу, полагая, что в нём «попирается: обездоленное, неудачное», ведь христианству, по его мнению, нужны были варварские понятия и оценки, чтобы господствовать над варварами [3, с. 647 - 648]. Религиозный пессимизм, считает Ф. Ницше, должен быть осужден как образ мыслей, «который отличается наиболее крайним отрицанием мира из всех возможных направлений мыслей», через него религии «задержали тип» человека «на более низкой ступени; они сохранили слишком многое из того, что должно было погибнуть» [3, с. 289]. Поэтому Ф. Ницше такой неумолимый и бескомпромиссный в борьбе с «проповедниками смерти», поэтому он так негодует на сторонников буддизма, отмечая, что: «от чахотки души: едва родились они, как уже начинают умирать и жаждут учений об усталости и отречения. Встретится им больной, или старик, или труп, и сразу говорят: «жизнь — страдание!». Но только они страдают и их глаза, видящие только одно в существовании» [3, с. 32].

Ф. Ницше, признавая ошибочность постулата о божественном творении мира (прежде всего — рационалистических экспликаций данного представления), провозглашает неотвратимость падения связанных с ним высших идеалов и ценностей: «Бог умер! Бог не воскреснет. И мы его убили!». Оказавшись в ситуации, когда просто необходимо увидеть новые ценностные горизонты, он обращается к идее о превосходстве тела над разумом: «слушайте братья мои, голос здорового тела, это — более правдивый и чистый голос» [3, с. 24]. «Тело — это большой разум, множественность с одним сознанием... оно не говорит «Я», но делает «Я» [3, с. 24]. Таким образом, Ф. Ницше осуществляет переоценку всех ценностей: сбрасывая с

трона разум, и поднимая на высшую ступень «телесную волю к власти» — инстинкт, интуицию.

Так Ницше, по мнению М. Поповича, сформулировал в противовес романтическому пессимизму эрзац жизнерадостной силы — идеологию отчаянного индивидуализма, которая находит поддержку в коллективном дионисийском экстазе [5, с. 23].

Второй тип культуры — «дионисийский», по Ф. Ницше, представляет собой элитную сферу деятельности человека, одаренного волей к жизни, связанного с творческим отношением к миру, с проявлением всех человеческих свойств. В её основе лежит эмоционально-чувственное «схватывание действительности личностью, не противопоставленной миру, а будто бы слитой с ним, то есть избегающей субъектно-объектного противостояния» [4, с. 104 - 105], на это был способен человек эпохи возникновения европейской цивилизации и будет способен будущий сверхчеловек. Сверхчеловек отошел от склонности «слушать Бога», сам создает культурные ценности, отвергая власть всевозможных авторитетов. Он сознательно идентифицирует себя как лидера в отношении обычных людей, как абсолютно свободного человека, который предпочитает и действует, создавая элитарную, аристократическую культуру для поколений творческих личностей. Она принимает жизнь такой, какая она есть, со всей болью и скорбью, относясь к жизни как к высшей ценности, любит жизнь, защищает ее, опровергая пессимизм и слабость людей толпы, она укореняет в культуре свободу духовной самореализации, стихию чувств и влечений, гармонизированных с помощью воли. Аристократическая культура характеризуется изысканностью, исключительностью, обособленностью, поскольку способна подчеркивать естественную неоднородность. Аристократическая личность в её контексте должна почувствовать себя «не функцией, а смыслом и высшим оправданием существующего строя», поскольку подчинение низших слоев «находится в связи с сущностью всего живого» и является «след-

ствием воли к власти» [3, с. 380 - 381]. Такая культура создает сверхчеловека: «идеал человека, полного крайней жизнерадостности и мироутверждения, человека, не только научившегося довольствоваться и мириться с тем, что было и есть, но хочет повторения всего этого так, как оно уже было веками...» [3, с. 284].

Итак, отправной точкой рассуждений Ф Ницше является экзистенциальное затруднение человека, поскольку последний поработен своим разумом. Отсутствие свободы порождено онтологической дезориентацией человека вследствие применения разума как неадекватного средства восприятия реальности и самопознания, а освобождение предполагает актуализацию спонтанных творческих способностей сверхчеловека, его волю к власти, его здоровых инстинктов, что будет способствовать фундаментальной идентичности человека и реальности. Сверхчеловек как персонифицированная воля к власти, утверждая себя, утверждает жизнь и мир.

Ю. Хабермас, исследуя взгляды Ф. Ницше по проблеме проявления дионисийской культуры, вполне убедительно резюмирует, что, согласно им, самотрансцендирование личности происходит, «только когда субъект теряет себя, когда он удаляется от прагматического опыта в пространстве и во времени, когда он возбужден шоком неожиданности, когда он ... находит забвение в момент; когда категории разумного делания и мышления нарушены, нормы повседневной жизни разрушены, потеряны привычные иллюзии, — только тогда открывается непредсказуемый и совершенно удивительный мир». Дионисийская реальность открывает доступ к искусству лишь ценой экстаза, ценой слияния индивида «с аморфной природой, внутренней и внешней», через отсоединение путем «бездны забвения» «наперекор миру теоретического знания и морального воздействия, вопреки повседневности» [2, с. 97]. По Ю. Хабермасу, именно из-за недостатка привычного разума «Ницше обращается к переживаниям, которые возвращают нас к ар-

хаике: к опыту саморазоблачения, децентрации, субъективности, освобожденной от всех пут познания и целевозлагающей деятельности, всех императивов полезности и нравственности» [2, с. 98].

Подчеркивая деструктивный характер традиционной западноевропейской культуры, заключающейся в осуществляемом ею разрушении спонтанности телесных сил, в подведении жизни к единству когнитивных актов, Ф Ницше будто уничтожает основания для претензий разума на истинность: из прерывистых принципов действия разум не способен создать единство «я», поэтому и в нравственной сфере он, только, прибегая к насилию над различными и спонтанными по своей природе поступками, подводит их под единство «я». Разум порочит аутентичную природу жизни, поэтому чтобы выздороветь от сознания, нужна провокация воли для обращения к первичному говорению, к игре телесности. Путём достижения идеала освобождения от действия разума является обуздание сознания с его мнимым единством «я», что порождает стремление найти новый язык, который гармонизировал бы с игрой телесности; такому требованию отвечает сверхразумная метафоричность, достичь высшего уровня, который возможно только в экстатическом состоянии, когда исчезает иллюзия идентичности, центрированности волевой функции «я». Отсюда следует, что результатом опыта переоценки ценностей выступает столь полное торжество жизни, которое поглощает интеллект, разум.

Аргументы, подтверждающие антиинтеллектуализм Ф. Ницше, кажутся неопровержимыми. Однако следует более детально исследовать и другие взгляды философа. Как отмечают многие мыслители современности, Ф. Ницше присущ специфический стиль, характеризующийся иронией, склонностью к гиперболизации и гротеску при продуцировании своих чувств, настроений и позиций. И поэтому важно не только вчитаться в текст, но и

выявлять скрытый за ним подтекст содержания дерзких речей и сентенций [6, с. 116]. Это дает повод говорить о том, что его инвективы направлены скорее не на интеллект и рациональность как таковые, а на их ограниченную механистическую интерпретацию. Интерпретация, как пишет Ф. Ницше, предполагающая числа, счет, взвешивание, наблюдение и ничего более, — есть неотесанность и наивность. По его мнению, «научная» интерпретация мира могла бы быть одной из самых слабоумных среди всех возможных интерпретаций мира, если бы она основывалась только лишь на механистических воззрениях. В своем произведении «Веселая наука» Ф. Ницше пишет: «Говорю это на ухо и совесть господам механикам, которые сейчас охотно крутятся у философов и намертво убеждены в том, что механика является учением о первых и последних законах, на которых как на фундаменте должно быть сведено всё бытие. Но механический по сути мир был бы миром по существу бессмысленным!» [7, с. 700]. Он возражает против неправомерного расширения «полномочий» механистического понимания мира, против экспансии его в сферу искусства: «Допустим, что значимость музыки оценивалась бы тем, насколько может быть она вычисленной, сформулированной, — абсурдной была бы такая «научная» оценка музыки» [7, с. 700]. Как видим, Ф. Ницше не выражает антиинтеллектуалистической позиции, а лишь стремится утвердить более глубокое и богатое по содержанию понимание интеллекта. Он вообще постоянно апеллирует именно к разумности, интеллекту, смыслу, выступая против бессмысленности, слабоумия, абсурдности, поэтому едва ли не самым любимым его контраргументом, так сказать, последним доводом является тезис, который демонстрирует его большое уважение к интеллекту: «Вот по-моему — полная *reductio ad absurdum*» [3, с. 251 - 252].

В сущности познавательного процесса Ф. Ницше четко выделил элементы нового понимания им интеллекта: 1) познание

рассматривается как средство приспособления к реальности, как орудие и средство сохранения и поддержания жизни, которому оно подчинено; 2) познание неразрывно связано с эмоциями, представляя собой единство рационального и иррационального; 3) познание всегда относительно, включает в себя субъективный момент. Ф. Ницше возражает против чрезмерного акцентирования суверенности интеллекта в жизни человека, субъективных потребностей, эмоций, воли, вообще всякого бессознательного и иррационального. Он пишет, что с незапамятных времен рассматривали сознательное мышление как мышление вообще, только сейчас открывается нам истина, что большая часть наших духовных процессов протекает в нас бессознательно, бесчувственно [7, с. 652]. Он подчеркивает субъективность восприятия мира, говоря о том, что то, что мы теперь зовем миром, является результатом множества заблуждений и фантазий [7, с. 249]. Но такие убеждения не содержат антиинтеллектуализма.

Трудно согласиться и с тем, что антиинтеллектуализм Ф. Ницше тесно связан с дискредитацией значения истинности мышления, с отождествлением её с порочностью. Мыслитель был особенно чувствителен к истине, прежде всего в сфере нравственности: он не терпел нравственной фальши, предпочитая жестокую правду перед «дружелюбным» обманом, он ненавидел лицемерие в жизненном применении христианской морали, он остро чувствовал пагубность и для познания, и для жизни разногласий между нормами морали и жизнью: «О, эти добрые! Добрые люди никогда не говорят правды; для духа быть добрым — бесполезно» [3, с. 144], «...лучше слушайте, братья, голос здорового тела: Это более правдивый голос» [3, с. 24].

Даже впадая в преувеличение значения «жизнь», «воля к жизни», исповедуя культ жизненной силы, Ф. Ницше и здесь не отказывался от истинности и разумности — по крайней мере, в конечном счете, в ко-

нечной цели. С его точки зрения, «гений культуры», который прокладывает новые пути, «принимает как свои орудия ложь, насилие и самый бесстыдный эгоизм ... но его иногда просвечивающиеся цели являются крупными и благими» [3, с. 368]. Таким образом, гений является рациональным, действует разумно, подобно врачу, причиняя временную боль для достижения здоровья человечества, и именно для таких высоких целей допустимо руководствоваться нормой: «Не щади ближнего своего и падающего подтолкни» [3, с. 151].

Бесспорно, антиинтеллектуализм Ф. Ницше является сложным, нелинейным принципом. Только вообразим себе, что Ф. Ницше появился среди живых. Не отшатнулся ли бы он от «оголтелой» толпы собственных сторонников? Не стал ли бы он отстаивать права разума против господства иррациональности в учениях своих постмодернистских поклонников и основателей методологического анархизма? Не стал ли бы он будить усыпленный, укрощенный и усмирённый разум? Или не явил бы себя миру как самый активный антиницшеанец, если бы пережил опыт попыток воплощения в историческую динамику слепую к разуму волю к власти? Да, Ф. Ницше превозносил волю к власти, инстинкт, интуицию, видя в них ценность, превосходящую по своему значению разум, грезил их суверенностью; он действительно потеснил интеллект, чтобы предоставить верховенство жизни, но не более того. Необходимо помнить, что он — мыслитель, противоречивый до неуловимости, выразительно подчеркивающий относительность всевозможных ценностей. И поэтому было бы совсем не удивительно, если бы на фоне почти полного растерзания разума, присущего современной философии, он со всей своей иронией, стремлением к новизне и пренебрежением к штампам культуры начал бы разгромную критику претензий на познавательную плодovitость исключительно только иррациональных духовных образований.

Это касается и его отношения к истине. Несомненно, у него есть попытки лишить познание понятия истины вместе с разумом, дискредитируя действительность и субъекта, и объекта: «Почему мир, имеющий к нам некоторое отношение, не может быть фикцией? ... Разве не позволено относиться прямо-таки с некоторой иронией как к субъекту, так и к предикату, и к объекту?» [3, с. 268 - 269]. Но все утверждения мыслителя есть зыбкими для его слишком образцовых и серьезных последователей с их жаждой буквального восприятия его речей. Понятие истины отнюдь не чужда Ф. Ницше, он не пренебрегает им, а широко пользуется словами «истина», «искренность», «правдивость», «подлинность» (например, он четко различает иллюзорный и действительный порядок вещей и т. п.), то есть он использует это понятие, когда считает нужным, будучи вообще далеким от того, чтобы заставлять себя подгонять к настоящему даже свои собственные ранее высказанные мысли. Вот и получается, что наряду с клеймом, присущим его эпохе пиетета к истине имело место погружение человечества в некритично усваиваемые различные догмы и прежде всего религиозные, Ф. Ницше всегда безоговорочно принимал характеристики, основанные на данных категориях. Поэтому он акцентировал такие качества сверхчеловека, как свободу перехода в незнание, заблуждение, освобождение от рабского сознания, способность поставить перед собой прямую и четкую цель.

Противоречивость взглядов Ф. Ницше в оценке роли интеллекта и истинности, его колебания «между двумя стратегиями» проникновенно описывает Ю. Хабермас. С одной стороны, мир можно воспринимать как эстетический феномен, и тогда он «возникает как сеть искажений и интерпретаций, для которых ни одна интенция, ни один текст не обеспечен основами», вместе с чувственностью «смыслотворческая сила конституирует аутентичный стержень воли-к-власти», которая «является в то же время волей к иллюзии, волей к

упрощению, мистификации, возвышению», и «сама жизнь основывается на иллюзии, обмане, оптике, необходимости перспективного и ошибке». С другой стороны, Ф. Ницше не может без апелляции к разуму «легитимировать критерии эстетического суждения», поскольку именно разум является моментом критической способности, необходимой для «утверждения ценности», а разум связан «с объективным знанием и нравственным пониманием в процессе подведения аргументированных предпосылок» [2, с. 98 – 100].

Исследуя творчество Ф. Ницше, О. Н. Соболев указывает те причины, которые, по мнению Ф. Ницше, являются основными в рамках завершения культуры модерна. Первая причина заключается в гипертрофии роли разума, абстрактного рационализма в этой культуре, в её стремлении найти опору в убеждениях о способности разума самолегитимизировать себя, в его неспособности трезво оценивать свою контекстуально-историческую ограниченность. Вторая причина связана с разочарованием в научно-техническом прогрессе, с возникновением кризиса сознания, восставшего против Рациона, который силой гармонизирует всё и вся, против спекулятивно-утопического системобразования, против отказа от внимания к судьбе человеческой экзистенции [6, с. 77].

Таким образом, можно сделать вывод о глубоком своеобразии ницшеанского антиинтеллектуализма. Он не такой тотальный, монолитный и последовательный, как можно было бы представить, исходя из ведущего волюнтаристского ницшеанского положения о господстве воли к власти, учитывая откровенно манифестированный им иррационализм, интуитивизм. Антиинтеллектуализм Ницше может истолковываться, так сказать, *cum grano salis*, несмотря на весьма ощутимую его противоречивость, относительность и ситуативность. Весьма точно резюмирует амбивалентность отношения Ф. Ницше к интеллекту Е. Э. Ханпира: Ницше убежден, что «разум низкий, только искусство благород-

ное», однако для существования искусства «нужно отчуждение от объекта созерцания и творчества, нужен разум и закон, мера и гармония», ведь «искусство невозможно без света сознания, каким бы «иррациональным» оно не было» [4, с. 112–113].

Более того, Ф. Ницше, несмотря на разностороннюю критику интеллектуализма, так и не решился оставить его основы, ведь ему всегда казалось, что «потерять голову, потерять собственное «я», отказаться от света сознания — значит рисковать, значит подставить себя под удар» [4, с. 112]. Поэтому великий мыслитель современности М. Хайдеггер, предостерегая своих современников, говорил об опасности, которая связана, прежде всего, с равнодушием «к мышлению и полное бездумство», соседствующее «с хитроумием исчисляемого планирования и изобретательства», именно оно способно погубить все человечество [8, с. 111]. И эта идея М. Хайдеггера значительным образом перекликается и приближается к идеям Ницше, а никоим образом не отрицает их, как это может показаться на первый взгляд.

Выводы и направление дальнейших исследований. Критикуя интеллектуализм, Ницше не затрагивает его основы. Его критика интеллектуализма направлена, прежде всего, против ограниченного, механистического, застывшего, затертого, интеллектуализма, который превозносится высокомерным интеллектом. Ф. Ницше упрекает такого рода интеллектуализм в покушении на первичность и полноценность жизни, на разнообразие, и красочность культуры, тем самым, защищая ее основания. Ницшеанские нарекания интеллекта вскрывают главным образом действительные болезни последнего и не касаются его здоровых корней, крепкого ствола, мощной кроны, богатых плодов и плодотворных ростков. Без сомнения, данное исследование антиинтеллектуализма Ф. Ницше имеет весьма контурное очертание, глубокое же выявление его границ и существенных черт еще впереди.

Бібліографічний список

1. Єрмоленко А.М. Комунікативна практична філософія: підручник / А.М. Єрмоленко. — К. : Лібра, 1999. — 488 с.
2. Габермас Ю. Філософський дискурс Модерну / Ю. Габермас ; пер. з нім. та комент. В.М. Купліна. — К. : Четверта хвиля, 2001. — 424 с.
3. Ницше Ф. Фридрих Ницше : сочинения в 2-х томах / Ф. Ницше. ; пер. с нем.; под ред. К.А. Свастьян. — М. : Мысль, 1990. Т. 2. — 1990. — 829 с.
4. Ханпира Е.Э. Античная трагедия и трагедия античности (Фридрих Ницше: «Рождение трагедии из духа музыки») / Е.Э. Ханпира // Вопросы философии, 2000. — № 9. — С. 102–113.
5. Попович М. Романтизм як стиль та ідеологія / М. Попович // Філософська думка. — 2004. — № 6. — С. 3–30.
6. Соболев О.М. Філософський постмодерн і сучасність / О.М. Соболев // Суспільство на порозі ХХ століття: філософське осмислення плінного світу : навч. посібн. (Відп. ред. В.С. Пазенок). — К. : Укр. Центр духовної культури, 1999. — С. 75–124.
7. Ницше Ф. Фридрих Ницше : сочинения в 2-х томах / Ф. Ницше. ; пер. с нем.; под ред. К.А. Свастьян. — М. : Мысль, 1990. Т. 1. — 1990. — 820 с.
8. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / Мартин Хайдеггер. ; пер. с нем.; под ред. А.Л. Доброхотова. — М. : Высш. шк., 1991. — 192 с.

Рекомендована к печати д.филос.н., проф. ЛГАКИ им. М. Матусовского Патерыкиной В.В., к.филос.н., доц. каф. СГД ДонГТУ Кониной Л.В.

Статья поступила в редакцию 27.05.16.

к.філос.н. Сандига О.І. (ДонДТУ, м. Алчевськ, ЛНР)

НИЦШЕ ПРО КРИЗУ ІНТЕЛЕКТУАЛІЗМУ

Проаналізовано ідеї Ф. Ніцше, що розкривають кризу інтелектуалізму, його розуміння значення кризи сучасної культури для розвитку людства. Осмислено їм відчуження особистості від суспільства і трагізм людського буття.

Ключові слова: інтелектуалізм, антиінтелектуалізм, культура, криза інтелектуалізму, раціональність, сучасність.

PhD Sandyga O.I. (DonSTU, Alchevsk, LPR)

NIETZSCHE ABOUT INTELLECTUALISM'S CRISIS

The ideas of F. Nietzsche have been analyzed revealing intellectualism's crisis, his understanding the importance of crisis in contemporary culture for human progress. He comprehended a person's estrangement from society and human being tragedy.

Key words: intellectualism, anti-intellectualism, culture, intellectualism's crisis, rationality, contemporaneity.